

О ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ

ON THE TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN LANGUAGE

I. Alipulatov

Annotation

This article investigated pragmatic, social, informational aspects of the question in terms of occasional phraseological units; The level of emotional and expressive and communicative purpose assessment and occasional phraseological units (FE).

The main principle is to identify and describe the emotive phraseology (transformed orientation) – the principle of multidimensional (at the level of paradigmatic, syntagmatic, individually and journalistic syntagmatics in the context of proposals in a complete text).

Keywords: Philology, russian language, linguistics, phraseology.

Алипулатов Ильман Субханович
К.филол.н, доцент,
Дагестанский Государственный
Университет, г. Махачкала

Аннотация

В данной статье исследованы коммуникативно-прагматические, социальные, информационные аспекты и речи с точки зрения окказионального фразеопотребления; определен уровень эмоционально-экспрессивного и оценочно-коммуникативного назначения окказиональных фразеологических единиц (ФЕ).

Главный принцип выявления и описания эмотивной фразеологии (трансформированной направленности) – принцип многоаспектности (на уровне парадигматики, синтагматики, индивидуально-публицистической синтагматики в контексте предложения в условиях законченного текста).

Ключевые слова:

Филология, русский язык, лингвистика, фразеология.

В лингвистике установилось узкое и широкое понимание фразеологии. Одни исследователи чрезмерно сужают границы фразеологии, включая в нее только идиомы (или фразеологические сокращения), другие же рассматривают в качестве фразеологических единиц все виды устойчивых словесных комплексов: сложные названия, составные термины, парные и сложные слова, крылатые выражения, цитации, газетные штампы, афоризмы, пословицы, поговорки, пожелания, проклятия, приветствия и т.д.

Придерживаясь широкого понимания в вопросе объема фразеологических единиц, мы не включаем в рассматриваемый материал любые воспроизводимые неоднословные единицы. К примеру, трудно согласиться с включением в состав фразеологизмов устойчивых формул общения. Убедительно выглядит по этому поводу следующее рассуждение: "От фразеологии в собственном смысле формулы речевого этикета существенно отличаются. Во-первых, среди них есть единицы однословные: Спасибо, Извини (-те), Здравствуй (-те) и др., тогда как фразеологизмы, по меньшей мере, двусловны. Во-вторых, все единицы речевого этикета коммуникативны, тогда как фразеологизмы нормативны. Впрочем, исследователи отмечают и наличие синтаксических фразеологизмов. От них так же отличаются единицы речевого эти-

кета. Если синтаксические фразеологизмы-единицы, сравнительно редко применяемые, то формулы речевого этикета живут активной повседневной жизнью: мы несколько раз в день здороваемся, прощаемся и т. п. с разными собеседниками и в разной обстановке, а это влечет за собой а) синонимическую разветвленность и б) стилистическую дифференциацию единиц речевого этикета, что несвойственно фразеологизмам. [6]

Нам ближе позиция С. И. Ожегова, который, исключая из состава фразеологизмов "крылатые слова", пословицы и поговорки, афоризмы и т.д., считал их источником пополнения фразеологии языка".

Расширяя понятие фразеологии, к ней причисляют индивидуальные типические особенности словоупотребления, словосочетания и фразеобразования в творчестве или, преимущественно, в произведениях тех или иных литературных направлений и школ, а также фразовые особенности речи отдельных социальных слоев, профессиональных групп. В этом смысле говорят о фразеологии, например, Карамзина или романтиков, символистов и т. п. Однако лишь немногие даже из популярных для своего времени или литературного направления словосочетаний и фразовых сцеплений входят в собственно фразеологию языка. Для этого необходимо приобретение этими фра-

зовыми сцеплениями "обобщенного" смысла и закрепление в структурах, свойственных фразеологическим единицам. Так, из многообразных описательных оборотов со словом цвет, свойственных школе Карамзина и поэзии начала XIX века (от цвета жизни до седин, надежды цвет, во цвете пылких юных лет и т. п.) во фразеологию языка вошло лишь выражение во цвете лет.

Таким образом, "крылатые слова", пословицы и поговорки, сказочные формулы, исторические афоризмы, анекдоты и другие многообразные творческие произведения, лишь разлагаясь на элементы, утрачивая структурные признаки жанра, уподобляясь структурно фразеологическим единицам, становятся достоянием собственно фразеологии языка. [4]

На фоне интенсивных разработок центральных проблем фразеологии описанию трансформации фразеологизмов отведено значительно меньше страниц в трудах исследователей.

И. М. Абрамович называет это явление индивидуально-авторскими преобразованиями фразеологизмов и утверждает: "В ряде случаев рассмотрение произвольного, индивидуального применения, осмысления или преобразования фразеологизма не только даёт более полное представление о жизни этой фразеологизма, но и помогает правильно понять его сущность, смысл, его историю. Очень часто преобразование устойчивого сочетания (пропуск каких-либо частей, изменение грамматической формы, замена или перестановка лексических компонентов) является своего рода испытанием на прочность: то, что фразеологизм даже в изменённом, деформированном виде может быть правильно понят читателем или слушателем, свидетельствует о том, насколько он – в подлинном своём виде прочно укоренился в языковом сознании читателя или слушателя". [5]

Все случаи индивидуально-авторского преобразования устойчивых сочетаний И. М. Абрамович объединяет в две большие группы. К первой он относит те случаи, когда фразеологизм претерпевает какие-либо внутренние изменения:

1.) когда ОДИН из лексических компонентов фразеологизма бывает заменён синонимом или близким по значению словом. Эта замена может быть по существу безразлична, если заменяющее слово относится к тому же стилистическому разряду, что и заменяемое.

" – Десять раз умрёшь, пока вас дождешься, – сказал милиционер. – Дядя Лёша, – сказал врач, – хоть бы ты не бросал тень на плетень" (В. Лучосин) ("бросать тень на плетень" – вместо "наводить тень на плетень").

Чаще же подобная замена имеет определённое

смысловое или стилистическое задание: изменить стилистическую окраску фразеологизма или придать ему большую значимость, большую экспрессивность.

Из кожи овётся вон. (И. Крылов).
И гаркнул я,
сбившись
с поэтического тона
Громче иерихонских хайл. (В. Маяковский).

Целью замены может быть также достижение иронического эффекта: "Господин Мауар вполне реальная фигура из плоти и ... жира" (Дрюон. Чужое счастье. Пер. А. Шапошниковой и М. Ковылянской). Ироническая заострённость выражения подчёркнута многоточием;

2.) незначительное варьирование морфологических особенностей фразеологизма без изменения его лексического состава. Часты, например, замены одних глагольных форм другими. Несовершенный вид глагола вместо обычного совершенного: "Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи" (П. Вяземский); "Я вынесу любое словцо... В детстве в посёлке приходилось всякое слышать – ни разу уши не вяли!" (С. Снегов) (последний пример осложнён ещё и отрицанием)

Спрягаемая форма глагола вместо привычного деепричастия:

"[Губернатор] послал Янова вперёд, в те места, где он хотел сам побывать и осмотреть. Это делалось с тем, чтобы по уездам привели всё в порядок... Заставать врасплох и потом карать за неисправности или ждать исправления казалось хуже. По отъезде губернатора опять спустили бы рукава – и спускали!" (И. Гончаров).
А работает как
Не покладает рук!
(В. Маяковский);

3.) инверсия составных частей фразеологизма.

"И сегодня
и завтра
и веков испокон
шатается комната
солнца пропойца"
(В. Маяковский)

"Гора Горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев : долг и страсть."
(М. Цветаева)

Особенно выразителен последний пример : фразеологизм не только подвергнут инверсии, но и разорван надвое резким enjambement;

4) эллиптическое употребление фразеологизма.

Вот и вы же сын отца вашего, а ведь говорили же всем сами же вы, что хотели убить его. – Камень в огород. И камень низкий, скверный!

Не боюсь! " (Ф.Достоевский.); "Уж такая ты у меня строгая. Держишь меня в ежовых " (Л.Авилова); „ В наших исторических данных всё [моё] дарование уходит на то – как бы увернуться от тюрьмы. – Вот и не увернулся, – подлил масла Зубинский " (К.Федин)

Последний пример особенно показателен. Такой усеченный фразеологизм может быть правильно понят читателем лишь в том случае, если тот же фразеологизм в его полном виде хорошо знаком, привычен для сознания. Догадаться здесь трудно, так как большинство идиоматических выражений, связанных со словом "масло" имеет прямо противоположный смысл ("маслом по сердцу") "как по маслу" и т.п.) – все они связаны понятием умиротворения, смягчения чего-либо (внешних обстоятельств, внутреннего состояния человека), а не возбуждения, раздражения, как в данном случае;

5) полное разрушение грамматической конструкции фразеологизма и использование отдельных его лексических компонентов в изолированном виде. Такой "распад" фразеологизма происходит, например, при переводе Степаном Трофимовичем Верховенского русского идиома "куда Макар телят не гонял" на французский язык: "Я сердцем с Вами и Ваш; с одной всегда en tout pays_ и хотя бы даже dans le Makar et de ses veaux".

При таком использовании фразеологизм может быть понят только читателем, которому он уже известен заранее, тогда как, услышав выражение "куда Макар телят не гонял", человек, даже не знающий о злополучном Макаре, поймет, что речь идет о каких-то отдаленных местах благодаря самому построению фразы: "куда...не гонял".

То же можно сказать и о следующем примере:

"Поедем с тобой на танцевальный вечер...Только смотри – дома об этом типун...ни слова!" (Н. Лесков).

Во вторую большую группу, по мнению И. М. Абрамовича, могут быть объединены те случаи, когда внутренняя форма фразеологизма остаётся неприкосновенной, переосмысление же, обыгрывание его находится в окружающем контексте. При чтении всего контекста фразеологизм представляется иным, смысл его изменяется или приобретает иной оттенок:

1) сюда относятся многочисленные каламбурные построения, основанные на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав сочетания, или всего сочетания в целом.

С ума сойдешь и обратно не встанешь.

(А. Рекемчук).

До Эйфелевой – рукою

Подать! Подавай и лезь.

(М. Цветаева).

В общежитии при вручении приза за самую чистую комнату: "Я вручаю вам переходящий вымпел...и надеюсь, что вы и в будущем не ударите в грязь лицом, ибо этой самой грязи у вас никогда не будет!" (Г. Горин);

2) на раскрытии, конкретизации значения одного из лексических компонентов устойчивого сочетания строится целая система образов и метафор.

От неиспытанных утрат

Иди – куда глаза глядят!

Всех стран – глаза, со всей земли –

Глаза, и синие твои

Глаза, в которые гляжусь:

В глаза, глядящие на Русь.

(М. Цветаева).

3) типичным является грубоватое обыгрывание фразеологизма, в состав которого входят наименования каких-либо частей человеческого тела, таких, как руки, глаза, – обыгрывание, основанное на том, что устойчивое сочетание применяется к калеке: однорукому, одноглазому и т. п.: "В руках товарища Шуляка, вернее в его единственной руке, было сосредоточено снабжение продовольствием общественных столовых" (В. Инбер);

4) интересен прием, когда автор сталкивает устойчивое сочетание с омонимичным ему свободным сочетанием слов: "Ты не знаешь, как он меня любил! – рыдала Катя. – Он меня буквально носил на руках. – Лена...неволью подумала, что вряд ли он мог здоровенную Катюку носить на руках, скорее наоборот" (В. Панова).

Часто в самом тексте присутствует только свободное сочетание слов, а омонимичное ему устойчивое сочетание всего лишь подразумевается автором, но неизменно приходит читателю на ум, создавая известный стилистический эффект: "Предание о быке и похищенной Европе не было известно девушкам Тичера [балеринам из ансамбля Тичера], получившим не столько классическое, сколько реальное образование" (В. Инбер) (речь идет о девушках, не знакомых с античной мифологией, но хорошо знающих реальную жизнь, ее отрицательные стороны).

Таким образом, главное, что необходимо отметить в анализе трансформации фразеологизмов, проведенном И. М. Абрамовичем, это то, что фразеологизмы рассматриваются в аспекте речи.

Поэтому выводы, к которым пришел исследователь,

представляют для нас, имеющих объектом изучения телевизионную речь, несомненный интерес. Вторым важным моментом заключается в том, как подошел исследователь к изучению явления трансформации фразеологизмов. Согласно анализу И. М. Абрамовича, одни фразеологизмы трансформируются из-за внутренних изменений, другие – благодаря переосмыслению их в окружающем контексте.

Материалом анализа И. М. Абрамовича является исключительно художественная речь. Можно сделать предположение, что фразеологизмы в других разновидностях литературной речи будут обладать своими особенностями, сохраняя при этом и много общих черт с трансформированными фразеологизмами, использованными в художественной речи.

Анализ трансформации фразеологизмов в диахроническом аспекте языка мы находим в пособии Н. М. Шанского "Фразеология современного русского языка". [3]

"В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологический оборот всегда имеет определенное значение и постоянные состав и структуру. Однако то значение, которое в данный момент является для него характерным, его состав и структура далеко не всегда совпадают с теми, которые были ему свойственны в момент возникновения. Процессы, происходящие в языке в целом, особенно изменения в лексике и грамматике, явления аналогического воздействия и народно-этимологического сближения и, наконец, эвфоническая обработка очень часто приводят к тому, что течением времени внешний вид, и сущность фразеологизма резко меняются. Так, фразеологизм На тебе, боже, что нам не гоже, обладающий яркой антирелигиозной направленностью, был первоначально совсем иного характера. Он возник в результате каламбурно-ритмической переработки фразеологизма На тебе, убоже, что нам не гоже, в котором убоже представляет собой форму звательного падежа от убог 'нищий', бедняк...

...Особенно показательной является история фразеологического оборота И никаких гвоздей!, в современной форме возникшего сравнительно недавно. <...> На примере изменений, которым подвергся этот фразеологизм, можно продемонстрировать как процесс эллипсирования, так и обратный ему процесс распространения фразеологизмов. Современная форма фразеологизма (с союзом и перед сочетанием местоимения и имени существительного) возникла в результате добавления к фразеологизму и никаких слова гвоздей [ср.:

...Светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой – солнца! (Маяковский)], в то время как и никаких является сокращением военной команды Смирно, и никаких движений!, вошедшим в речевой обиход в конце XIX века" ... [3]

Анализируя фразеологию в историческом развитии, Н. М. Шанский различает 4 вида трансформации фразеологизмов:

- 1) изменения степени семантической слитности фразеологического оборота;
- 2) изменения значения фразеологического оборота;
- 3) изменения состава фразеологического оборота;
- 4) изменения структуры фразеологического оборота.

1. Изменения степени семантической слитности фразеологического оборота.

Видами этих изменений Н. М. Шанский считает опрощение, переразложение и усложнение.

Опрощение фразеологического оборота – это превращение того или иного фразеологизма с мотивированным значением в семантически неразложимое фразеологическое сращение с немотивированным значением. Так, фразеологические сращения в бирюльки играть; В ногах правды нет; турусы на колесах возникли в результате опрощения из фразеологических единств.

Переразложение фразеологического оборота – это то или иное изменение связей и соотношений между значением фразеологизма в целом и значением составляющих его компонентов, не ведущее к потере мотивированности общего значения. Примером может служить фразеологизм с красной строки.

Усложнение фразеологического оборота – это переход фразеологического сращения в фразеологизм с мотивированным значением (т.е. в фразеологическое единство, сочетание или выражение). Например, вавилонское столпотворение.

Указанные изменения в степени семантической слитности фразеологических оборотов, по мнению Н. М. Шанского, могут сказываться на их значении, составе и структуре.

2. Изменения значения фразеологического оборота.

Наиболее распространенным и наглядным процессом, происходящим во фразеологической системе современного русского литературного языка, является изменение значений, свойственных фразеологическим оборотам как воспроизводимым языковым единицам.

Показательной является история, происшедшая с устойчивым сочетанием слов скатертью дорога 'убирайся'. Первоначальное значение этого фразеологического оборота было прямо противоположным современному,

так как им выражалось пожелание счастливого пути, гладкой, как стол (т.е. скатерть), дороги. При объяснении этого фразеологизма следует учитывать также старое значение и форму слова скатерть <дъскатьрть, первоначально обозначавшего верхнюю крышку стола (такое значение у этого имени существительного в древнерусском языке было ещё известно). [Как попытку восстановить первоначальное значение этого фразеологизма можно воспринимать строку из популярной детской песни про голубой вагон: Скатертью, скатертью дальний путь стелется...]

3. Изменения состава фразеологического оборота.

а. Первоначально фразеологический оборот Работы не волк – в лес не убежит имел рифмованный вид: Дело не медведь – в лес не уйдёт. Толчком к изменению состава фразеологизма послужило разрушение его эвфонической целостности при переходе из южновеликорусских говоров (с мягким т в окончании 3-го лица глаголов: уйдёшь, несёшь) в северновеликорусское наречие.

б. Возникновение в устойчивом сочетании слов лексических единиц, вне его более нигде не существующих, связано с выходом соответствующих слов из активного употребления.

В качестве примеров можно привести следующие фразеологические обороты: писать мыслете (мыслете – старое название буквы М); с гулькина нос (гулькина – относительно-притяжательное прилагательное от гульки <гуля 'голубь') и т. п.

в. Очень важным является процесс выявления в составе фразеологического оборота таких слов, которые предстают как незначимые, играющие роль своеобразных усилительных экспрессивных частиц, например: чучело гороховое (первоначально значение 'пугало на гороховом поле').

г. Одним из наиболее заметных изменений состава фразеологических оборотов является их сокращение. Чаще всего эллипсису подвергается вторая часть фразеологизма, однако сокращения могут быть частными, касаться первой его части и т. д. В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении. Например, фразеологический оборот Голод не тётка представляет собой сокращение фразеологизма Голод не тётка, пирожка не подсунет.

д. Иллюстрацией к процессу добавления к исходному составу фразеологизма новых слов может служить история фразеологизма И никаких гвоздей!

4. Изменения структуры фразеологического оборота.

Помимо эллипсиса частей или отдельных компонентов фразеологических оборотов, структурная трансформация

фразеологизмов может быть связана и с другими явлениями: с их эвфонической обработкой, с потерей стержневым компонентом способности к образованию грамматических форм и т. д.. Так, фразеологический оборот на сон грядущий соответствует сейчас модели "предложно-падежная форма имени существительного + имя прилагательное". Исходной же была форма на сон грядущим (т.е. 'отходящим ко сну'). Изменение в структуре фразеологизма обусловлено в данном случае влиянием на структурно-изолированный фразеологизм таких фразеологизмов, которые образованы по регулярной модели.

Исследование художественных произведений и публицистики XIX – XX в.в. позволяет, по мнению Шанского, выделить следующие основные приемы индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов на синхронном уровне.

1. Наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности. Фразеологизм ни дна, ни покрывки

'пожелание дурного, выражение досады или раздражения'. В. В. Маяковский употребляет с новым, не употребительным значением: Дохлая рыбка плывет одна. Висят плавнички, как подбитые крылышки. Плывет неделю, и нет ей ни дна, ни покрывки.

2. Обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его значения и основной структуры. В таких случаях обновление фразеологизма заключается или в замене одного из его компонентов синонимом, или в расширении его состава. Например: "Не боюсь ни ошибки, ни сплетни, ни жестокой девятой волны" (Ошанин Л.); "Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты" (Гоголь). В фразеологизме девятый вал слово вал заменен синонимом волна, а фразеологизм кануть в Лету дополнен новыми компонентами в реку забвения, в какую-нибудь эдакую.

3. Использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов часто связано с изменением его значения и грамматических свойств. Ср.: например, употребление фразеологизма Свои люди – сочтемся: Сочтемся славою, – ведь мы свои же люди (Маяковский).

4. Выразительным примером использования фразеологии русского языка является образование по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами новых, индивидуально-авторских фразеологизмов. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеупотребительного фразеологизма, так и с использованием одной лишь его структуры: "Виноват перед Вами по самое

горло и сам сознаю это" (Чехов; по модели сыт по горло); Во всю Ивановскую трачу деньги, которые получил за своего "Иванова" (Чехов; по модели кричать во всю Ивановскую).

Только с использованием структуры общеупотребительных фразеологических оборотов созданы такие фразеологизмы, как: "Посмотришь в ширь – йоркширом йоркшир (Маяковский; по модели дурак дураком или темным–темно); в отрывке: "Пользы от него, что молока от черта, что от пшенной каши золотой руды" (Маяковский) – оба новообразования возникли на основе фразеологизма как от козла молока, но второе с использованием компонента молока.

5. Оригинальным приемом создания стилистического эффекта является употребление фразеологического оборота одновременно и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов. Например: "–Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того руки отваливаются. – Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал, когда у нее начнут отваливаться руки" (А. Толстой); "Спички были готовы сгореть от стыда за выпустившую фабрику" (Э. Кроткий).

6. Наиболее часто с целью особой художественной выразительности используется не фразеологический оборот как таковой, а его общий образ или содержание. В этом случае фразеологизма как целостной языковой единицы собственно уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать исходный фразеологизм. Например: "Сани здесь – подобной дряни не видал я на веку; стыдно сесть в чужие сани коренному русаку" (П. А. Вяземский; ср. Не в свои сани не садись); "Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов" (Чехов; не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и хочу кружиться опять" (Маяковский; ср. как белка в колесе).

7. Встречается также (правда, довольно редко) контаминация двух фразеологических оборотов. В этом случае или "сливаются" воедино два фразеологизма, компоненты которых представлены омонимичными словами, или объединяются фразеологизмы с синонимами и антонимами. Например, могут контаминировать фразеологизмы И никаких гвоздей! и гвоздь сезона; чертов палец и перст божий: "Солдаты требовали, чтобы им показывали иностранные фильмы...даёшь Фербенкса и Мэри Пикфорд, и никаких других "гвоздей сезона!" (Г. Рыклин).

8. Для создания определённого художественного эффекта писатели и публицисты довольно охотно используют фразеологический оборот рядом с одним из образующих его слов (естественно, уже в качестве слова свободного употребления): "на его палитре были все краски, кроме краски стыда" (Э. Кроткий).

Заслуживает внимания и последнее замечание Н. М. Шанского о том, что указанные приемы художественно-выразительной трансформации фразеологических оборотов под пером художников слова могут совмещаться.

Раскрывая стилистическую роль фразеологизмов в творчестве писателей, И. Ю. Свинцова и Т. М. Терещенко главное внимание уделяют преобразованным фразеологизмам.

"Для экспрессивной речи характерно следующее контекстуальное преобразование фразеологизмов:

- ◆ могут опускаться их компоненты;
- ◆ варьироваться словорасположение;
- ◆ изменяться логическое ударение;
- ◆ из положительного значения могут превратиться в отрицательное;
- ◆ части фразеологизмов могут попадать в разные синтагмы и др.

Выделяются следующие приемы художественного преобразования фразеологизмов в контекстах:

- ◆ обновление значения фразеологизма посредством изменения лексического окружения при сохранении его лексического состава и грамматической структуры (например, у А. П. Чехова: Природа постановила, чтобы человек в известный период своей жизни любил. Настал период, ну и люби во все лопатки);
- ◆ обновление образности фразеологизма при сохранении структуры и значения посредством расширения его границ в результате включения в ближайший контекст новых компонентов (например, у А. П. Чехова: Кошки, не обыкновенные, а с длинными жёлтыми когтями, скребли её за сердце);
- ◆ обновления значения фразеологизма путем замены одного из его компонентов общеязыковым или контекстуальным синонимом (например, у Ю. С. Семёнова: Что это за страна? Сопки. Леса. Тундра. Населения морж наплакал.);
- ◆ усиление экспрессии фразеологизма за счет употребления рядом с ним одного из его компонентов в свободном значении (например: Этот царь без царя в голове.);
- ◆ употребление в одном контексте значений фразеологизма и омонимичного с ним свободного сочетания (например, у А. П. Чехова: По этой части он съел собаку. – Ох! Ах! Не говорите так: наша мама очень брезглива)" (И. Ю. Свинцова, 1966).

Исследовательница поэтической фразеологии Н. Г. Чекалина установила, что "в поэзии М. И. Цветаевой содержание микроконтекста и целого произведения часто опирается на собственно языковые связи и художественная образность может мотивироваться и моделироваться этими связями. Это хорошо видно на примерах авторской трансформации фразеологических единиц,

приемы которой разнообразны. Особого внимания заслуживают случаи образования индивидуальных оборотов по модели фразеологизмов, существующих в языке, с заменой одного из компонентов: Ибо мимо родилась Времени! (сочетание раньше времени преобразуется в мимо времени). Новое значение более трагично, т. к. означает не преждевременность, а отсутствие места во времени. Такое словосочетание – одна из центральных тем поэзии М. И. Цветаевой – отражение трагедии поэта.

Окказиональное значение актуализируется также на фоне фразеологических единиц – антонимов: "Всех румяней и смуглее До сих пор на свете всем (ср.: всех румяней и белее); "Маленькая сигарера! Смех и танец всей Севильи!" (ср.: смех и слезы)" (Чекалина, 1966).

Во всех подобных случаях замены одного из компонентов, по мнению исследовательницы, замещенный член фразеологизма остается в подтексте в виде культурно-языкового фона и неизбежно включается поэтому в смысл заменившего компонента, а фоновый узуальный фразеологизм – в смысл окказионального.

Другая исследовательница фразеологии в поэтической речи Л. Ф. Гончарова пишет: "Особую роль в модификации фразеологических единиц играют лексические замены. В качестве заменителей могут выступать синонимы аналогичной или иной стилистической окраски, антонимы, несинонимичные слова того же, что и заменяемый компонент, семантического поля".

И далее: "Самым распространенным приемом обновления фразеологических единиц в поэтических текстах является расширение компонентного состава, которое чаще всего представлено как пополнение лексико-синтаксических связей ряда устойчивых сочетаний, и тем самым, распространение структурных границ фразеологических единиц. <...>

Как основной способ контекстуальных преобразова-

ний фразеологических единиц выступает контаминация – это такое взаимодействие двух или более фразеологических единиц, в результате которого возникает новая единица, тождественная исходным по структуре. Семантика новой фразеологической единицы преобразует в себе значение участвующих в контаминации оборотов. <...> Контаминация может осуществляться по нескольким моделям, например,

$AB+BC=ABC$, $AB+CD=ACD$, $AB+CD=AD$ и т.п.

Один из способов обыгрывания общеязыковых фразеологических единиц в поэзии – введение в текст не всего фразеологизма, а только некоторых его компонентов ("осколков"), наличие которых вызывает в памяти читателя формально не высказанный, однако присутствующий в подтексте стихотворения фразеологизм. Из общеязыкового фразеологизма может быть взято и отдельное слово (намёк), существующее в поэтическом тексте в свободном парадигматическом изменении. Однако и отдельное слово, и усеченная часть фразеологических единиц являются конденсаторами всего семантического объема, заключенного в полном фразеологизме.

Крайней степенью структурных преобразований фразеологических единиц в тексте является создание новых фразеологизмов по существующей модели. В этом случае от узуального фразеологизма не остается даже отдельных слов, а лишь синтаксическая и смысловая модель. Однако, чтобы новая фразеологическая единица проецировалась на языковую, можно использовать только самые простые и распространенные модели, яркие по значению и необычные по форме".

Так как выявление моделей трансформации фразеологизмов проведено И. М. Абрамовичем, Н. М. Шанским и другими исследователями исключительно на материале художественных произведений и внутри языковой системы, необходимо выяснить, какие есть модели трансформации устойчивых словесных комплексов в других сферах языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ю. Свинцова, Терещенко Т. М. (1966). Некоторые стилистические примеры "обновления" традиционных русских фразеологических оборотов. В кн.: Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград.
2. Н. Г. Чекалина, (1966). Поэтическая фразеология и её роль в образно-экспрессивной структуре поэтического текста М. И. Цветаевой. – В кн.: Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград.
3. Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., "Высшая школа", 1985.
4. С. И. Ожегов. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка). В. кн.: С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, стр. 196–197.
5. И. М. Абрамович. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря. В кн.: Проблемы фразеологии, М. – Л., 1964, стр. 213.
6. Н. И. Формановская. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, стр. 31.